

ном приговоре 1490 г.: «Ивашко же Максимов и другий Ивашко протопопов, сын Алексеев, и сии два бегу яшася». Архиепископ Геннадий доложил о ереси митрополиту Филиппу. В Шумиловском списке Никоновской летописи, где читается такой же рассказ (но соборы 1490 и 1504 гг. в нем не смешаны, и второй части рассказа Степенной книги в летописи не читается), в рукописи стояло первоначально имя Филиппа, но оно было затерто и по затертому написано «Зосима».⁵¹ Вероятно, рассказы Степенной книги и Шумиловского списка Никоновской летописи восходили к одному источнику, где говорилось о доносе Геннадия митрополиту без упоминания имени последнего, где появление еретиков связывалось с началом 70-х годов, где имелись намеки на то, что «сия же безумных гнилая мудрования внидоша во уши и самому великому князя Ивану Васильевичу, всеа Русии самодержцу», где, наконец, расправа над еретиками упоминалась только под 6999 г. Несомненно, что этим общим источником было «Сказание о новоявившейся ереси». Последняя часть рассказа о сожжении дьяка Волка Курицына, Мити Коноплева, Некраса Рукавова, юрьевского архимандрита Кассиана и его брата могла быть добавлена из летописей. В рассказе Степенной книги и «Жития Иосифа» подчеркивается выдающаяся роль Иосифа Волоцкого и его книги «Просветитель». Возможно, что третье анафематствование было составлено не позднее середины XVI в., когда образ Иосифа Волоцкого начал приобретать иконописные черты и его обличение ереси было официально принятым. В начале XVII в. текст третьего анафематствования еще существовал, но он уже вытеснялся более кратким текстом.⁵² Во второй половине XVII в. в синодиках встречается всегда текст более краткого, второго анафематствования.

Если обратиться теперь к формуле обвинения трех анафематствований, то обнаруживается, что эта формула первого анафематствования отличается от обвинительной формулы второго и третьего анафематствований. Если первое содержит обвинения еретиков только лишь в «глаголении хулы» на бога, богородицу и чудотворцев, то второе и третье анафематствования обвиняют еретиков уже в «неверии в бога» и в «похулении седми вселенских соборов». Хотя Иосиф Волоцкий и пытался представить ересь «Алексея протопопа, Дениса попа и Федора Курицына» как явление единое, враждебное церкви, соборные приговоры не могли не отметить различий между новгородской и московской ересью, точно так же как не мог не отметить различий между ересью протопопа Алексея и ересью Федора Курицына Иван III. «Хула» на семь вселенских соборов не была просто обвинительной формулой. Эта «хула» означала непризнание решений вселенских соборов, на которых основывалась вся организация церкви, все ее догматы и обряды. В разное время за «глаголение» этой «хулы» преследованиям подвергались митрополит Исидор, московские еретики, «не-

борницы и вси их стайницы новии жидове, отвергшейся православныя и непорочныя веры христианския, и учившихся от жидов и тех скверную и треклятую жидовскую веру воспримших и многие душа христиански прильстивших и сведших в погибельный той ров, да будут прокляти» (К. Т. Никольский. Анафематствование, стр. 191; ГИМ, Типографское собр., № 1331/443, XVII в., л. 4). Ростовский текст мог быть составлен при непосредственном участии брата Иосифа Волоцкого — ростовского архиепископа Вассиана Санина (1506—1515), которому могли быть известны Феогност Черной, архимандрит монастыря «иже на Песку», и Иосиф Кунькин, чернец.

⁵¹ ПСРЛ, т. XII, стр. 225.

⁵² В Новгородском синодике 1632 г. приведены в разных местах тексты обеих редакций. Причем текст второй редакции, обвинявший Волка Курицына в непоклонении иконам, читался в торжественной службе, оканчивавшейся провозглашением здравия царю Михаилу Федоровичу (ГПБ, Софийское собр., № 1059, 1632 г., л. 84 и 84 об.; см.: К. Т. Никольский. Анафематствование, стр. 61).